

© 1994 г.

М.Н.РУТКЕВИЧ

ПЕРВОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ

Сейчас, когда редакционная коллегия с помощью авторского актива готовит юбилейный номер журнала, с которым меня связывает двадцать лет самого тесного сотрудничества, хотелось бы напомнить читателям о тех обстоятельствах, которые сопутствовали появлению первого номера «Социологических исследований», и поделиться соображениями о его деятельности в новых, необычайных условиях, сложившихся к настоящему времени в нашей стране.

С конца 50-х годов, после критики Сталина и культа его личности на XX съезде партии, социология в Советском Союзе, до того фактически находившаяся под запретом, стала возрождаться, благодаря инициативе многих философов, экономистов, правоведов, этнографов, увидевших в развитии социологических исследований новую возможность для того, чтобы выяснить истинное состояние общества и тем содействовать его социальному прогрессу. Однако шел этот процесс медленно, поскольку не были сняты многие препятствия и запреты, а с середины 60-х годов стали обрисовываться и другие. Создание в Академии Наук СССР в 1968 г. Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) было известным шагом вперед, но шагом запоздалым и непоследовательным. К этому времени «на периферии» — в Ленинграде, Новосибирске, Свердловске и др. центрах сложились социологические школы, развернулись исследования по ряду актуальных проблем развития советского общества, которое тогда еще обладало мощным зарядом совершенствования. К таковым надо отнести исследования социальной структуры общества, молодежи, трудовых коллективов, семьи, образования, свободного времени и т.п. По проблемам развития социальной структуры состоялась, например, в 1966 г. Всесоюзная конференция в Минске. Главной институт «большой» Академии призван был координировать все эти исследования, направлять их, создать в Москве творческие коллективы по важнейшим проблемам социологии и развернуть деятельность уже сложившихся, например, по изучению общественного мнения.

Однако ИКСИ не смог выполнить эти задачи, прежде всего потому, что самим своим названием, а оно было дано не случайно, ориентировал на *конкретные*, т.е. эмпирические и притом социальные исследования. Но эмпирия невозможна без теории, а социальные исследования предполагают охват, по сути, всех областей жизни общества. Понадобилось четыре года, чтобы руководящие инстанции частично осознали эти достаточно очевидные истины и решились на реорганизацию ИКСИ в ИСИ, т.е. Институт социологических исследований.

Тем самым социология, наконец-то, вошла в строй признанных, по крайней мере в Академии, общественных наук. Не без раздумий и колебаний весной 1972 г. я принял предложение занять пост директора этого института, поскольку к тому времени на Урале были созданы предпосылки для успешного развития социологии, в частности, начата подготовка кадров по этой специальности в Уральском университете. Мною были оговорены два условия: вывод из института подразделений, далеких от социологии, а их было немало, и издание всесоюзного социологического журнала, чего давно требовала научная общественность.

С первых шагов деятельности на новом поприще я стал понимать, что предубеждения насчет предмета и задач социологии, а тем самым института и будущего журнала, не исчезли. Они нашли наглядное выражение в установках шефа общественных наук в Академии — ее вице-президента акад. П.Н. Федосеева, который пользовался полной поддержкой партийного аппарата, в частности, всесильного (благодаря наличию прямого «выхода» на Брежнева) заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС СП. Трапезникова. Не повторяя сказанного ранее на страницах нашего журнала [1], следует отметить, что Федосеев ограничивал предмет социологии только эмпирическими исследованиями, в то время как социологическую теорию отождествлял с историческим материализмом в том вульгаризированном виде, какой ему придал Сталин, полагавший его чем-то слитным с диалектическим материализмом (§ 2 гл. 1 «Краткого курса истории ВКПб» имел название «О диалектическом и историческом материализме»). Федосеев полагал, что теоретическими проблемами общества надлежит заниматься Институту философии, а соответствующие публикации нужно сосредоточить в «Вопросах философии». Переубедить его было невозможно. Аналогия со взаимоотношениями конкретной экономики и политэкономии, конкретной социологии и истмата проводилась им до середины 80-х годов, в том числе на страницах нашего журнала в директивной статье [2], которая не подлежала обсуждению на редколлегии.

Волокита с разрешением на издание журнала тянулась два года. И если бы не предстоящий очередной УШ Всемирный социологический конгресс в Торонто, куда советской делегации неудобно было явиться, не имея в стране ни единого печатного органа по социологии, она могла бы продолжаться. На Конгресс мы поехали, имея в руках первый номер журнала «Социологические исследования» под редакцией А.Г. Харчева.

В этом названии, однако, содержалась та же самая недоговоренность, что и в наименовании института. Мы предлагали выпускать «Вопросы социологии», подобно тому как выходили (и выходят) в свет «Вопросы философии», «Вопросы истории» и др., поскольку в названии «исследования» сохраняется крен к эмпирическим исследованиям. Мы были целиком за развитие конкретных, т.е. эмпирических исследований, но в единстве с развитием социологической теории. Тем не менее название пришлось принять, и оно «прижилось». Но в первом же номере редколлегия ввела рубрику «Теоретические проблемы социологии», где были напечатаны статьи В.Г. Афанасьева, В.Н. Кудрявцева, Н.В. Пилипенко, В.Г. Васильева и автора этих строк. В разделах «Социологическая наука и практика» и «Методика и техника социологических исследований» опубликованы материалы Г.В. Осипова, Т.И. Заславской и многих других авторов [3]. Линия на сочетание методически грамотных эмпирических социологических исследований по самым злободневным темам с разработкой теоретических проблем социологии была продолжена, когда покойного А.Г. Харчева на посту главного редактора сменил А.В. Дмитриев.

В этой связи хотелось бы коснуться неоднократно обсуждавшегося на страницах журнала вопроса о структуре социологической теории. Предложенное Р. Мертоном разграничение уровней теории на макросоциологию, иначе общую теоретическую социологию, и теории «среднего уровня» к настоящему времени стало общепринятым. Но при этом вопрос о предмете макросоциологии и ее взаимоотношениях с социальной философией (или философией истории) остается дискуссионным [4]. Нередко приходится встречаться с их противопоставлением, которое проводится по двум основным пунктам.

Первый связан с представлениями, заимствованными у структурного функционализма, который долгие годы на Западе играл ведущую роль в макросоциологии. В центре теоретических построений Т. Парсонса и других находилось общество «вообще», как относительно стабильная система. Подобный подход имеет свои положительные стороны, но он не учитывает, во-первых, существенных различий между эпохами исторического развития данной цивилизации, прежде всего европейской; во-

вторых, не менее существенного различия между структурой обществ, принадлежащих разным цивилизациям; в-третьих, важности периодов качественного преобразования социальной системы при переходе ее из одного состояния в другое. Последнее особенно важно в наши дни, когда идет модернизация традиционных обществ, начался переход к постиндустриальной стадии в развитых странах, осуществляется преобразование государственно-бюрократического социализма в общество со смешанной экономикой и рыночными отношениями в России и ряде стран Европы и Азии.

Перед макросоциологией во весь рост встала проблема качественного преобразования общественной системы не только как проблема осмысления предшествующего хода истории, но и сегодняшнего дня. Иначе говоря, макросоциология должна быть не только теорией *функционирования социальной системы*, но и теорией *исторического развития социальных систем*, а это всегда почиталось привилегией социальной философии или, что в принципе очень близко, философии истории.

Тот факт, что теоретическая социология должна стать наукой не только синхронической, но и диахронической, входит во всеобщее сознание. Для его признания вовсе не обязательно быть последователем диалектики Гегеля и Маркса. Р. Арон, которого грех было бы упрекнуть в приверженности марксизму, посвященной истории социологической мысли, дает портреты семи выдающихся мыслителей, включая Маркса. Во введении автор отмечает, как неправильно заданный, вопрос о том, считать ли их представителями социальной философии или социологии: «Не будем об этом спорить. Скажем, что речь идет о социальной философии относительно нового типа, о способе социологического мышления, отличающемся научностью и определенным видением социального ...» [5].

Второй пункт противопоставления опять-таки связан со специфическим подходом к обществу, характерным для структурного функционализма как теории социального действия, но имеющим более широкое распространение. Социальное, как бы пронизанное ставящим цель сознанием и волей, действие индивида («целерациональное действие» по М. Веберу) рассматривается большинством социологических школ XX века как исходный «кирпичик» взаимодействия людей в процессе общественной жизни во всех ее многообразных проявлениях. Макросоциология призвана суммировать эти действия и складывающиеся общественные отношения. Поневоле возникает вопрос о том, что эти действия не полностью произвольны, что они обусловлены складывающимися в процессе взаимодействия людей друг с другом и с природой условиями существования, которые выступают по отношению к данному акту как объективная предпосылка. Возникающие в данных условиях интересы и вытекающие из них идеальные цели не могут быть поняты без признания — в той или иной мере — объективной стороны человеческого существования и деятельности, без выяснения *взаимосвязи объективных и субъективных факторов* исторического процесса.

Нам приходилось неоднократно выступать на страницах журналов в защиту материализма в социологии, притом не только тогда, когда это поощрялось, но и в последнее время [6], когда критика марксизма, чаще всего поверхностная и носящая характер свидетельства своей «благонадежности», стала модой. Мы убеждены в том, что во взаимодействии материальной и духовной сторон социальной жизни в конечном счете первенствующая роль принадлежит стороне материальной. Выдвинутое Марксом материалистическое понимание жизни общества и его истории получило подтверждение на протяжении полутора веков, не встречая убедительных возражений.

При этом, конечно же, надо учитывать непременно два обстоятельства. Во-первых, речь идет о воззрениях Маркса и Энгельса, а не о вульгаризованном донельзя «историческом материализме» в изложении Сталина («три особенности производства») и популяризаторов этой версии, тысячекратно растиражированной и усердно насаждаемой через сеть политпросвещения и вузовский курс исторического материализма.

Во-вторых, жизнь с конца прошлого века поставила многие проблемы, которые не могли быть предусмотрены никаким, даже самым выдающимся мыслителем. Современная социология пытается — с весьма различных позиций — эти проблемы осмыслить. Невероятно выросшие возможности эмпирического исследования, использующего сегодня математические методы, электронные средства связи и обработку полученных данных с помощью компьютерной техники, расширяют возможности теории, но заменить её не могут. Напротив, без теоретически обоснованной цели эмпирические исследования подчас служат целям не добывания истины, а ее искажения, что наблюдается нередко в России в последние годы при опросах общественного мнения.

Таким образом, мы надеемся на развитие *материалистической макросоциологии* и выражаем уверенность, что на страницах журнала «Социологические исследования» этому направлению найдется достойное место.

Но к этому пожеланию мои надежды на будущее журнала не сводятся. В обстановке жестокого кризиса, поразившего российское общество, журналу требуется, как никогда ранее, смелость в постановке вопросов о причинах этого кризиса и путях выхода из него, подкрепленная материалами эмпирических социологических исследований, острых и вместе с тем беспристрастных, раскрывающих социальные последствия развала великой державы и ошибочной экономической политики.

Наконец, надо просто пожелать нашему журналу выжить в условиях, когда наука в целом, включая издание научной литературы, поставлена в России на край гибели. «Выжить во что бы то ни стало!» — таково, пожалуй, главное пожелание человека, принимавшего деятельное участие в рождении журнала, который вступает ныне в самый благоприятный для расцвета двадцатилетний возраст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социол. исслед. 1993. № 7.
2. Социол. исслед. 1982. № 3.
3. Социол. исслед. 1974. № 1.
4. Социол. исслед. 1990. № 2; 1991. № 7.
5. Арон Р. Этапы развития социологической теории. М: Универс., 1993. С. 26.
6. Социол. исслед. 1993. № 10.